

Никогда не поверю, что романы пишут на компьютере

Главный редактор старейшего московского издательства «Молодая гвардия» Андрей Петров в юности обладал каллиграфическим почерком. А теперь в своих записях способен разобрать только он сам. И все потому, что на его рабочем столе нет ни одной перьевой ручки.

Мы попросили его протестировать вышедшую в 2007 году ручку Sheaffer Valor Deep Blue

— На столе главного редактора не видно ни одной авторучки. Вы что, чернилами вообще не пишете?

— Только в далеком детстве. Я так любил чернила...

— Неужели и документы подписываете банальным шариком и никогда не возникает желания достать красивую ручку и подмахнуть очередной договор?

— Ну, в этом, конечно, есть определенный шарм. Раньше я любил дорогие вещи: хорошие часы, дорогие ручки, а потом как-то в спешке это все ушло. Постоянная суета, все на бегу... *(В качестве подтверждения сказанного на этом самом месте нас прерывает очередной входящий в кабинет. — PW.)*

Я вообще-то, признаюсь, больше консерватор. В свое время мне очень нравилась фраза, по-моему, Флобера, написавшего, что ему было страшно сложно перейти от гусиного пера к перу стальному. Точно так же и сейчас многие писатели не могут перейти даже к пишущей машинке. Настоящие произведения на самом деле рождаются только в процессе касания пера с бумагой. Никогда не поверю, что романы или повести пишутся на компьютере. Ну, что-то от лукавого здесь точно есть. Пусть какой-то набросок, но обязательно должен быть написан от руки. Вот у меня, например, есть черновики, и понятны они только мне, хотя ведь раньше у меня был каллиграфический почерк. В юности на курсантской службе мне, как обладателю самого красивого почерка, доверяли переписку документов для целой роты.

— Так вы писарем служили, как все интеллигенты?

— Вовсе нет. Стрелком мотострелкового батальона. Но документы ведь кому-то переписывать надо было. Со временем мой красивый почерк совершенно испортился: писать приходилось много, быстро и только для себя. Недавно секретарь с сожалением заметила, что разбирает мои писания с трудом. А еще каких-нибудь лет десять назад каждая буква была понятна, когда я свою визу ставил: «Работа выполнена полностью и мной принята».

— **Я вот тоже нашла свои записи двадцатилетней давности. Почерк — красота. А сегодня ни одна машинистка не возьмет мои каракули.**

— У меня то же самое. Сейчас свои записи могу прочитать только я сам. Но так, чтобы сразу сочинять на компьютере... Служебные записки — можно. Что-то для работы. А если что-то настоящее, на вечность, там все равно надо рукой: пером, гелевой или чернильной ручкой — все равно.

— **Или карандашом. Оказалось, им очень удобно писать: меньше нажим и рука не так устает. Пишу себе и все время Набокова вспоминаю с его огрызками карандашей и каталожными карточками.**

— Меня карандаш всегда пугал. Я, как и братья Гонкуры, все время думаю о будущем: вдруг по моему карандашу да кто-то пройдет ластиком! Вот вы сочиняете на компьютере, а потом станет очередной «шолоховский вопрос»: а она ли писала? Может быть, вы просто похитили безымянную рукопись.

— **Точно. Теперь я понимаю, почему так расплодись фантомные авторы.** (Фантомный — вымышленный автор, действительно существующий, но имеющий лишь косвенное отношение к созданию литературного произведения. — PW.)

— **Кстати, а как вы дошли до стола главного редактора?**

— Восемь лет отработал в школе, о чем не жалею. Благодаря перестройке в школах стало можно делать что-то интересное, а наша 874-я школа на юго-западе Москвы даже прославилась своей учительско-ученической драмстудией «Камертон», где и ваш покорный слуга ставил и Горина, и Радзинского, и Пушкина. Район был рабочий, дети — неизбалованные и страшно увлеченные.

— **Но давайте вернемся к тестируемой вами ручке. Она вам очень подходит по стилю. По-моему, ей бы подошло расписываться на очередных бестселлерах — один только «Пастернак» в вашей знаменитой серии «ЖЗЛ» выдержал девять тиражей, да еще «Большую книгу» завоевал.**

— Ручка действительно красивая. И перо хорошее, не толстое и не тонкое. К сожалению, у меня исчезло из памяти, как я писал раньше. Но, по-моему, пишет мягко. И размер подходящий, вполне мужской, большего бы и не хотелось. Тяжелые не люблю. До сих пор вспоминаю старую настольную ручку — красивая была очень,

но настолько было ее неудобно держать! Удобство — вот главный критерий. В последние годы я пользуюсь шариковыми ручками одной и той же фирмы, более того — одной и той же моделью.

— **Если бы пришлось самому выбирать ручку в подарок, то на чем бы остановились?**

— Дорогую чернильную точно положу в коробку, и будет она храниться как музейный экспонат. А если хорошая гелевая или шариковая и чтобы непременно не разовая — это другое дело.

Беседовала Наталья Семенова

Фото: Владимир Обросов

Андрей Петров — страстный коллекционер: «Собираю жирафов. У меня есть хрустальные из Италии, есть бронзовые, есть деревянные из Африки. Помните гумилевское: «...далеко, далеко на озере Чад изысканный бродит жираф...»?

Вышедшая в свет в 2006 году коллекция пишущих инструментов Sheaffer Valor в 2007 году пополнилась новой серией Sheaffer Valor Marble Colours, включающей две новые отделки: насыщенный голубой Deer Blue с палладиевым покрытием деталей и блестящий коричневый Glossy Brown с позолоченными деталями. Все пишущие инструменты Valor отмечены знаком White Dot — признаком высокого качества и удобства письма. Каждая ручка этой серии упакована в подарочную деревянную коробку из красного дерева

Pen World

ЖУРНАЛ О МИРЕ ПИСЬМА ДЛЯ ЦЕНИТЕЛЕЙ РОСКОШИ

Эти и другие материалы журнала «Мир Ручек»
Вы можете найти на сайте www.ElitePen.ru

Copyright © ООО «Мир Ручек»

Все права на материалы охраняются в соответствии с законодательством РФ.
Любое использование возможно только с письменного разрешения правообладателя.